

объяснения некоторых явлений. Это касается, прежде всего, определения звукового качества *ě* (в долгом слоге оно не могло быть дифтонгом, так как дифтонг *iě* не переходил в чешском языке в краткий гласный), а также объяснения появления *j* после губных согласных в результате расщепления артикуляции мягких губных согласных, а не в результате сохранения так называемой йотации (*ie > je*).

В главе «Диалектология», написанной тоже З. Штибером, прослеживается судьба различных фонетических и морфологических явлений по чешским, ганацким, ляхским и переходным чешско-словацким говорам. За исходное берутся звуковая система чешского языка примерно XI в. (после деназализации носовых и падения редуцированных) и различные древнечешские формы, унаследованные чешским языком от праславянского периода. Затем дается деление говоров, определяются их языковые границы, указываются некоторые их фонетические и морфологические особенности. При всех положительных сторонах принимаемого автором метода изложения, при котором сначала указываются общие, определяющие отличия между говорами, затем рассматриваются частные, дробные черты, касающиеся отдельных диалектных групп, он имеет свои совершенно определенные недостатки. Во-первых, неизбежны многочисленные повторения того, что уже излагалось в главе «Историческая фонетика». Во-вторых, нарушается цельность впечатления от характеристики говора, утрачивается представление о системе говора (прежде всего звуковой).

В отличие от главы по исторической фонетике, в главе, посвященной диалектологии, ни для одного говора не приводится система гласных и согласных фонем, хотя более дробное деление чешских, ляхских и ганацких говоров основывается прежде всего на особенностях их звукового состава: принимаются во внимание количественные различия гласных (наличие долгих и кратких гласных), их состав (наличие простых звуков и дифтонгов), а также отношение долгих гласных к кратким внутри одного говора. Хотя автор довольно широко привлекает конкретный материал из известной работы акад. Б. Гавранка «Чешские наречия»², он, к сожалению, не воспользовался той характеристикой звуковой системы фонем отдельных говоров, которую дает Б. Гавранек. Однако в целом в качестве важного и ценного момента следует отметить, что З. Штибер использовал материал новейших работ по чешской и моравской диалектологии, которые не были им использованы при написании очерка диалектов западнославянских языков³. Мы имеем в виду прежде всего интересные монографии Я. Белича о дольских наречиях

в Моравии и Я. Ворача о юго-западных чешских наречиях⁴.

К сожалению, данные новейших работ используются не всегда. В результате допускаются некоторые неточности, например при определении произношения групп согласных. В частности, без всяких ссылок на произносительные нормы народно-разговорной речи указывается произношение [ose], [oše] вместо *otce*, *otče*⁵.

Из частных замечаний, которые можно было бы сделать, мы остановимся лишь на некоторых. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что *ě* в чешском языке сохранилось без изменения. В литературном языке оно сохранилось благодаря орфографической традиции. О его изменении в *ě* свидетельствуют данные всех чешских говоров и народно-разговорной речи. При классификации согласных по месту образования наряду с губными, передне- и заднеязычными согласными постоянно указывается *j* (*i*) как неслоговой гласный, хотя в чешском языке он существует как переднеязычный согласный. В книге хотелось бы видеть хотя бы краткую характеристику важнейших чешских памятников. Список библиографии должен быть более полным.

А. Г. Широкова

М. Komárek. Historická mluvnice česká.
I—Hláskosloví. — Praha, 1958. 179 стр.

Историческая фонетика чешского языка М. Комарка является первой частью из серии выпусков по исторической грамматике чешского языка. Третья часть этого труда (Исторический синтаксис чешского языка), написанная акад. Ф. Травничком, вышла отдельным выпуском в 1956 г.⁶ В ближайшее время ожидается последний выпуск этой серии, посвященный исторической морфологии.

В центре внимания работы М. Комарка находится фонетическая система древнечешского языка XIV в. В этом отношении рассматриваемая книга значительно отличается от имеющихся пособий по исторической грамматике. По существу она является пособием по древнечешской фонетике XIV в., дополненным историческими комментариями о закономерностях развития языка предшествующей эпохи, начиная с периода диалектной дробности праславянского языка, и разделами о перспективах развития чешской фонетики в последующие эпохи (XV—XVI вв.).

Автор использовал в своей книге обширный конкретный материал, содержащийся в «Исторической грамматике» и в древне-

⁴ J. Bělič, Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1954; J. Voráč, Česká nářečí jihozápadní, Praha, 1955.

⁵ См. об этом, например, в книге: B. Hála, Výslovnost spisovné češtiny, její zásady a pravidla, Praha, 1955, стр. 41. Назовем еще книгу: F. Daneš, B. Hála, A. Jedlička, M. Rompolt, O mluveném slově, Praha, 1954.

⁶ F. Trávníček, Historická mluvnice česká, díl III, Praha, 1956.

² B. Havránek, Nářečí česká, «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934.

³ См. Z. Stieber, Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich, Warszawa, 1956.

чешском словаре Я. Гебауера⁷, в «Исторической грамматике» акад. Ф. Травничка⁸ и в других пособиях, монографиях и статьях, посвященных исследованию частных вопросов.

Однако метод описания и толкование многих явлений исторической фонетики у М. Комарка значительно отличается от традиционного.

Ценность исторической фонетики М. Комарка состоит прежде всего в том, что, в отличие от предшествующих пособий, рассматривающих древнечешский язык как совокупность отдельных языковых явлений, взаимосвязанность которых часто не устанавливалась и не доказывалась, в этой книге дано четкое и ясное описание языка как системы, в которой нет случайных и изолированных явлений. Применяя фонологический принцип исследования, М. Комарек рассматривает отдельные изменения как составную и неотделимую часть развития фонетической системы древнечешского языка в целом. Фонетическая система более поздних периодов является, по Комарку, результатом цепи изменений, обусловленных всем характером внутрисистемных языковых отношений данного периода. Так, например, в исчезновении парных мягких согласных М. Комарек видит главный стимул развития и изменения вокализма в XIV в. При этом отдельные фонетические факторы являются, по его мнению, лишь предпосылкой, а не решающей причиной изменений. Основные причины определяются системой в целом, они обусловлены характером взаимоотношений всех ее компонентов.

Такая позиция позволила М. Комарку прийти к совершенно новым и оригинальным выводам о причинах ряда звуковых изменений. Так, например, в противоположность традиционной точке зрения, согласно которой передыжка 'a > e (*ležeti, ulice*) вызвана палатализующим воздействием мягких согласных, Комарек причину изменения 'a > e видит в противоречии между структурной консонантизмом и вокализмом (стр. 50—53). Подобным же образом изменение $\bar{e} > i$ Комарек объясняет не столько фонетическими причинами, сколько существующей системой противопоставлений (стр. 151—152). Число аналогичных примеров можно было бы значительно увеличить. В связи с общей направленностью книги совершенно закономерным является наличие главы о взаимообусловленности фонетических изменений в конце XIV в.

Применение фонологического метода к описанию исследуемого материала позволило автору проследить смену фонологических систем и отдельных фонем. Особенно удачно в этом отношении разработана категория мягкости и твердости согласных. Инте-

ресна также судьба звуков *y* и *i*, которые с появлением парной мягкости согласных стали вариантами одной фонемы, а с исчезновением парных мягких согласных превратились в самостоятельные фонемы, сохранив далее в XV в. в звуковом качестве фонемы *i*. Не менее интересны соображения относительно судьбы слогообразующих согласных, которые для древнечешского языка М. Комарек считает самостоятельными фонемами, так как они могли встречаться в том же фонетическом окружении, что и согласные *r, l* (ср. *krve* и *prve, držeti* «дрожать» и *držeti* «держат»), а в современном чешском языке вариантами фонем *r* и *l*, ибо употребление их позиционно обусловлено.

Весьма ценным следует считать также то, что, говоря о фонетических изменениях, М. Комарек постоянно стремится указывать и на сопровождающие их изменения морфологические, которые во многих случаях зависят и вытекают из фонетических (ср., например, изменения в системе склонения существительных, прилагательных, местоимений, в спряжении глагола, явившиеся следствием стяжения гласных, перегласовки гласных и других явлений чешской исторической фонетики).

В книге содержится много мелких, но тем не менее весьма интересных замечаний, касающихся характера произношения и судьбы отдельных звуков (например, изменение \bar{y} не в *ai*, а в *ei*, и др.). На них мы останавливаться не будем.

Избрание автором в качестве основного объекта описания фонетической системы языка XIV в. имеет свои положительные и отрицательные стороны. Синхронное описание языка этого века, как справедливо указывает и сам автор, позволяет представить фонетическую систему как определенную, законченную структуру на одном из этапов развития в истории чешского языка. Подобное описание и других важнейших периодов позволило бы глубже и основательнее проникнуть в сущность процессов его исторического развития. Потребность в таком описании весьма настоятельна. Она ощущается и самим автором. Наличие разделов, посвященных характеристике языка как предшествующего, так и последующего периодов, все же не может заменить полного курса истории языка. Как синхронное описание языка определенного периода работа М. Комарка прекрасно разрешает поставленную задачу, но как курс истории чешского языка (фонетики) она страдает неполнотой.

Не все разделы книги М. Комарка одинаково содержательны. Часть из них, посвященная вопросам славянской акцентологии, ударения, интонации, характеристике слога, и некоторые другие (например, вводные замечания) написаны традиционно, как правило, не обнаруживают попыток самостоятельного осмысления указанных вопросов.

Не все объяснения в книге убеждают. Толкование некоторых явлений остается пока еще проблематичным и даже спорным. Так, например, нам кажется, что автор

⁷ См.: J. G e b a u e r, *Historická mluvnice jazyka českého, díl II—III*, Praha, 1894—1896, *díl IV*, Praha a Vídeň, 1929; его же, *Staročeský slovník*, I, Praha, 1903; II, Praha, 1916.

⁸ F. T r á v n í č e k, *Historická mluvnice československá*, Praha, 1935.

слишком доверяет древнечешскому правописанию. Сказанное относится прежде всего к произношению \dot{e} в кратком слого. Автор придерживается традиционной точки зрения на то, что \dot{e} в кратком слого произносилось как дифтонг $i\dot{e}$, который с течением времени изменился в e благодаря утрате йотации, т. е. первого компонента дифтонга. Но можно ли, основываясь на правописании, с уверенностью считать, что передача \dot{e} посредством $i\dot{e}$, ye в памятниках древнечешской письменности указывает именно на дифтонгический характер гласного в кратком слого? Подобная передача звука \dot{e} могла указывать на особый характер этого звука, на его более высокую, отличную от звука e артикуляцию, наконец, на мягкость предшествующих согласных (ср. также $i\dot{u} = 'u$ и т. д.). Нельзя не доучитывать также определенной закономерности чешской фонетики: дифтонгизации здесь подлежали только долгие гласные. Судьба губных согласных перед заменой \dot{e} не может, по нашему мнению, служить свидетельством того, что \dot{e} в кратком слого произносился как дифтонг, не утративший своей йотации в положении после губных согласных. Произношение губных с последующим j является результатом их отвердения и выделения прежней мягкости губных в особый йотовый элемент. В чешских и отчасти моравских говорах это явление представлено гораздо полнее и шире, чем в литературном чешском языке. Так, в юго-западных чешских говорах прежняя мягкость губных в виде йотового элемента представлена не только перед заменами \dot{e} и e , но и перед i (ср. *pjiivo, nabjit*). Подобное явление, связанное с отвердением губных, представлено также в польских и в украинских говорах, а также в литературном украинском языке. Ср. в польских говорах: *mjasto // mn'asto, p'ch'ivo, v'jino* и т. д., в украинском языке: *njam, mjaco, rubjaruŭ, holubjata, rymjaniŭ* и т. д. Напротив, в севернечешских говорах у старшего поколения представлено полное отвердение губных согласных и отсутствие йотового элемента перед всеми гласными, в том числе и перед заменами \dot{e} . Это же явление отвердения губных находим в некоторых древнечешских памятниках.

Нам представляется также спорным объяснение дифтонгизации o в долгом слого как следствие исчезновения парных мягких согласных и соединения лабиовелярного компонента предшествующего твердого согласного с последующим o : $ku + o > k\dot{u}o$, $bu + o > b\dot{u}o$ и т. д. Связь между депалатализацией согласных и изменениями гласных, как это убедительно показал М. Комарек, несомненна. Однако нельзя забывать и о других не менее важных факторах, в том числе и фонетических, которые следует рассматривать в их совокупности. Так, уже самый характер долгих гласных, как более закрытых и напряженных, обуславливал выделение в первой части их образования более высокого гласного элемента у гласных среднего подъема ($\dot{a} > \dot{a}i$, $\dot{e} > \dot{e}i$, $\dot{e} > \dot{e}i$, $\dot{o} > \dot{o}i$) и более

низкого — у гласных верхнего подъема ($\dot{y} > \dot{e}j$, $\dot{i} > \dot{e}j$, $\dot{u} > \dot{a}i$ или $\dot{u}i$). Определенная закономерность представлена и при монофтонгизации образовавшихся дифтонгов. Монофтонгизировались дифтонги, имеющие в первой части своего образования более высокий элемент ($\dot{o}i > \dot{u}$, $i\dot{e} > \dot{i}$, $ia > i\dot{e} > \dot{i}$), и сохранились дифтонги с более низким первым элементом $\dot{o}i$ и $\dot{e}j$ (по говорам и в народно-разговорной чешской речи).

Указанная закономерность при дифтонгизации и монофтонгизации долгих гласных в чешском языке, с нашей точки зрения, не дает возможности вырывать дифтонг oi из целой цепи тесно связанных между собой явлений и объяснять его появление влиянием каких-то особых факторов, иных, чем при появлении других дифтонгов. Аналогичное явление дифтонгизации \dot{o} под былым новым акцентом представлено в севернорусских говорах, в польском и в словацком языках, где соотношение твердых и мягких согласных совершенно иное, чем в чешском.

При объяснении перехода $'a > e$, наряду с противоречиями между системой чешского консонантизма и вокализма, нельзя не принимать во внимание и факторы чисто фонетические, т. е. в данном случае палатализирующее воздействие предшествующих и последующих согласных. Свидетельством этого могут служить данные некоторых севернорусских и южнорусских говоров, где передвижка $'a > e$ имела место при отсутствии тех противоречий, которые характеризовали звуковую систему древнечешского языка к XII в. и к началу XIII в.

В книге М. Комарка ощущается недостаток диалектного материала. Использование его тем более важно, что в XIV—XV вв. развитие чешских диалектов было тесно связано с развитием языка чешской народности. Кроме того, современное состояние чешских, моравских и словацких диалектов, особенно окраинных, архаических, могло бы пролить более яркий свет на историю развития отдельных фонетических явлений.

Сделанные замечания, касающиеся наиболее спорных вопросов чешской фонетики, ни в коей мере не снижают общего в высшей степени благоприятного впечатления от книги М. Комарка, для которой характерен творчески свежий подход к языку как к системе при исключительной четкости и ясности изложения. В качестве положительного момента этого труда следует отметить, что к каждому разделу прилагается список литературы, в котором указываются не только общие работы, но отдельные статьи и исследования, посвященные разработке частных вопросов исторической фонетики чешского языка. Это находится в полном соответствии с тем, что и в самом изложении автор постоянно тщательно анализирует и взвешивает точки зрения различных авторов на тот или иной вопрос.

А. Г. Широкова